СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

Благонамѣреннымъ литтераторамъ и вообще всѣмъ добрымъ людямъ предстоитъ случай легко сдѣлать доброе дѣло. Смѣемъ надѣяться, что они имъ воспользуются.

Недавно жилъ среди насъ Русскій писатель, который во время оно проливалъ слезы, слушая Семиру Сумарокова, и смѣялся вчера отъ Ревизора Гоголя. Онъ былъ современникомъ и ученикомъ Княжнина, и однимъ изъ литтературныхъ сподвижниковъ въ эпоху Карамзина. Онъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ, и многими годами пережилъ его. Онъ извѣстенъ съ 1794 года и кончилъ свое земное и литтературное поприще въ 1847 году. Во все теченье этихъ долгихъ годовъ онъ былъ преимущественно, безпрерывно и почти исключительно писатель—и болѣе ничего. У насъ, и особенно въ наше

время, когда литтературная дѣятельность такъ скоро остываетъ или развлекается и сбивается съ дороги разнородными дѣятельностями, подобный примѣръ постояннаго труженичества и долголѣтія уже самъ по себѣ явленіе довольно замѣчательное. Къ тому можно еще прибавить и сказать утвердительно, что, въ продолженіи этого свыше пятидесятилѣтняго періода, писатель сей съ добросовѣстною и неутомимою дѣятельностью, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, служилъ и содѣйствовалъ общей пользѣ. Умирая могъ онъ себѣ въ отраду, другимъ въ назиданіе сказать, что, въ грудѣ оставшихся по немъ твореній, онъ ни единою строкою не измѣнилъ священнѣйшей обязанности писателя: *честно обращаться со словомъ*, по прекрасному выраженію Гоголя.

Писатель сей Сергѣй Николаевичъ Глинка.

Онъ одинъ, если не первый, изъ плодовитѣйшихъ нашихъ писателей. Во всѣхъ отрасляхъ литтературы оставилъ онъ слѣды свои. Русская сцена оживлялась въ свое время его трагедіями, операми, драмами. Въ томъ числѣ Сумбека, Наталья Боярская дочь, Михаилъ Князь Черниговскій памятны и по нынѣ театральнымъ старожиламъ. Онъ писалъ историческія сочиненія и между про-

чими Русскую Исторію въ 14 частяхъ, выдавалъ жизнеописанія, повѣсти стихами и прозою, поэмы, и въ числѣ ихъ переводъ Юнговыхъ ночей, нѣсколько книгъ по части воспитанія, и съ 1808 года по 1824, былъ издателемъ ежемѣсячнаго журнала, *Русскій Вѣстникъ*. Сей послѣдній выдавалъ онъ съ такою точностью и предупредительностью, что въ концѣ года, обыкновенно забѣгалъ онъ книжками своими въ будущій годъ. Мелкимъ стихотвореніямъ его и прозаическимъ статьямъ, разбросаннымъ по журналамъ и сборникамъ, или изданнымъ летучими листками, мудрено было бы подвести полный итогъ. Въ 1820 году выпущено было въ свѣтъ собраніе сочиненій его въ 12 частяхъ. Нынѣ полное собраніе составило бы сто частей и болѣе. И все это въ свое время имѣло значеніе и возбуждало сочувствіе въ обществѣ: слѣдовательно заслуживаетъ болѣе или менѣе вниманія и нынѣ. Литтературный вкусъ измѣняется съ теченіемъ времени. Онъ часто своенравенъ и подверженъ вліянію современныхъ предубѣжденій и прихотей, какъ и всѣ движенія любви и неблагосклонности ума и сердца человѣческаго. Но все что *было—есть*, если не въ дѣйствительности, то въ послѣдствіяхъ своихъ и преданіяхъ. Исторія,

безпристрастное хранилище всего, что̀ дѣйствовало и приносило плодъ въ свое время, неумолкный отголосокъ всего, что̀ нѣкогда имѣло голосъ, пріемлетъ въ блюстительныя нѣдра свои не однѣ громкія и безсмертныя событія. Она удѣляетъ уголокъ и частнымъ дѣяніямъ, которыя отжили, и даже тѣмъ, которыя пережили въ данной эпохѣ свое временное вліяніе на ту или другую часть общественной жизни. Жизнь и труды Глинки имѣютъ свое неотъемлемое мѣсто въ Исторіи Русской литературы. Общее и главное свойство литературныхъ трудовъ его, и свойство это вводило его въ живое и близкое соотношеніе съ публикою — было чувство, которое всегда воспламеняло его, и цѣль, къ которой онъ стремился. Чувство и цѣль его были общія съ народнымъ чувствомъ и съ народною потребностью: чувство любви къ отечеству и стремленіе болѣе и болѣе знакомить Русскихъ съ Россіею. Время, въ которое онъ началъ дѣйствовать, очень благопріятствовало ему. Тогда Россія не была еще отыскана: Исторія Карамзина не была обнародована. Къ стыду и къ сожалѣнію должно намъ признаться, что мы всѣ очень худо знали отечество свое и его Исторію. Любовь къ отечеству была у насъ, такъ ска-

зать, отвлеченная, умозрительная, а не сознательная, не убѣжденіе. Въ дѣлѣ, подобномъ тому, какое предпринялъ Глинка, можно явить болѣе или менѣе искусства и дарованія, стяжать успѣхи болѣе или менѣе блестящіе: но если оно приводится въ дѣйствіе съ искренностью, добросовѣстностью и постоянствомъ, то во всякомъ случаѣ укрѣпляетъ оно за дѣйствующимъ лицемъ общее уваженіе и признательность. Въ святомъ ополченіи за честь и права отечества, не каждый можетъ быть полководцемъ, не каждому суждено присвоить себѣ рѣшительную побѣду. Но каждый ратникъ, съ любовью и мужествомъ исполнившій свою обязанность, стоявшій всегда подъ ружьемъ въ передовой дружинѣ, не даромъ посвятилъ себя на благое дѣло. Пускай счастливѣйшіе стоятъ выше его въ памяти народной и сіяютъ избраннѣйшею славою, но и его удѣлъ почетенъ. Имя его также должно быть произносимо съ сочувствіемъ въ общихъ поминовеніяхъ о усердныхъ дѣятеляхъ на стезѣ истины и пользы. «Вашъ Русскій Вѣстникъ 1808 «г. съ портретами Царя Алексѣя Михаилови-«ча, Дмитрія Донскаго и Зотова — писалъ «Погодинъ къ Глинкѣ — возбудилъ во мнѣ «первое чувство любви къ отечеству, Русское

«чувство, и я благодаренъ Вамъ во вѣки вѣ-
«ковъ.»

Въ ученомъ Профессорѣ брошенныя сѣмена развились и созрѣли богатою жатвою; но нѣтъ сомнѣнія, что и во многихъ другихъ не остались они безплодными, хотя и менѣе гласными.

Полезнѣйшею эпохою литературной дѣятельности нашего автора, было восемнадцати-лѣтіе, въ которое издавалъ онъ *Русскій Вѣстникъ*. По всей Россіи, особенно въ провинціяхъ, читали его съ жадностью. Столицы вообще всѣ, болѣе или менѣе, придерживаются космополитизма. Преимущественно въ первые года существованія своего, журналъ имѣлъ историческое и политическое значеніе. Одно заглавіе его было уже знамя. Въ то время властолюбіе и побѣды Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всѣхъ Государствъ. Нужно было поддерживать и воспламенять духъ народный; пробуждать силы его, напоминая о доблестяхъ предковъ, которые также сражались за честь и цѣлость отечества. Духъ чужеземства могъ быть тогда въ самомъ дѣлѣ опасенъ. Нужно было противодѣйствовать ему всѣми силами и средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ даже излишество и крайность убѣжденій

были у мѣста. Укорительныя слова *Галломанія, Французолюбцы*, бывшія тогда въ употребленіи, имѣли полное значеніе. Ими стрѣляли не на воздухъ, а въ прямую цѣль. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа *онаполеонилась*. Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: *быть*, или *не быть*; то есть, слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти, или до побѣды? Перо Глинки первое на Руси начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключилъ перемирія даже и въ тѣ роздыхи, когда Русскіе штыки отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ, и выжидая новаго вызова къ дѣйствію. Въ одной изъ книжекъ Русскаго Вѣстника было напечатано между прочимъ: «одно великодушіе Императора Александра «остановило потоки крови въ 1807 г. и если «по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, «снова возгорится война между Франціею и «Россіею, Россія найдетъ новыя силы.» — Она ихъ нашла, и пророчество Глинки сбылось.

Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массахъ читателей,

не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Глинка, подобно Г-жѣ Сталь, имѣлъ честь обратить на себя его вниманіе и негодованіе. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ Русскаго Вѣстника. Вообще въ Литтературѣ нашей проявлялись тогда воинственное направленіе и противодѣйствіе силѣ событій. Гроза двѣнатцатаго года и дымъ Московскаго пожара чуялись уже въ воздухѣ. Въ трагедіяхъ Озерова и Крюковскаго были намеки на Наполеона. Рѣчь Дмитрія Донскаго:

«О, дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!«

I. 3.

была надписана прямо къ лицу Французскаго посла. Графъ Ростопчинъ бросалъ въ публику свои бойкіе и одушевленные памфлеты: *Мысли въ слухъ на красномъ крыльцѣ*, комедію: *Вѣсти, или живой убитый.* Жуковскій, отъ *сельскаго кладбища*, на которомъ мечталъ съ Греемъ, переходилъ къ полю, усѣянному костями древнихъ Славянъ. Въ Бардѣ слышался уже могучій голосъ *пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ.* Онъ говорилъ:

Такъ палъ съ побѣдой Россъ! Паденье страхъ врагамъ.

Еще прежде того Карамзинъ, покидая на минуту перо историка, принимался за боевую лиру и взывалъ къ Наполеону:

Ищи на Югѣ робкихъ слугъ.
Сынъ Сѣвера въ странѣ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ-другъ
И Царь ему отецъ любезной.
. . . . . .
За Галла весь ужасный адъ,
За насъ же Богъ и добродѣтель!

Позднѣе Князь С. А. Шихматовъ своими твердыми стихами и *безглагольными* рифмами воспѣвалъ доблестныхъ предковъ и преслѣдовалъ въ современникахъ употребленіе Французскаго языка.

Обращаясь къ Шишкову, родоначальнику Славянофиловъ, онъ не въ шутку, а съ добросовѣстною страстью говорилъ ему между прочимъ:

И знай, — что звукомъ чужеземнымъ
Твой Русскій не пронзится слухъ.
А естьли бы кого изъ званныхъ,
(Находитъ зло и на избранныхъ)
Лукавый врагъ и соблазнилъ
Гнусить Французомъ при сосѣдахъ,
То, вспомнивъ о твоихъ побѣдахъ,
Языка Русскаго Ахиллъ!
Узрѣвъ лице твое сурово,
Онъ дрожь почувствуетъ и страхъ;
И Галловъ дерзостное слово
Умретъ на трепетныхъ устахъ.

Самъ Шишковъ не отставалъ отъ прочихъ, и предводительствуя ополченіемъ противъ иноплеменнической силы, поджигалъ молодую рать. Начавъ войну походомъ противъ *новаго слога*, онъ продолжалъ вести ее противъ новыхъ нравовъ, новыхъ понятій. Онъ учреждалъ *Бесѣду любителей Русскаго слова*, разбиралъ басни Сумарокова и ставилъ его выше Лафонтена, а Русскій языкъ выше всѣхъ другихъ языковъ, и такъ далѣе. Все это нынѣ почти забыто. Новому поколѣнію некогда оглядываться назадъ. Оно, сбросивъ съ себя по дорогѣ всѣ наслѣдственные доспѣхи, бѣжитъ налегкѣ, кажется впередъ, а можетъ быть и въ сторону. Но всѣ эти подробности, какъ онѣ ни могутъ казаться маловажными, взятыя отдѣльно, имѣли въ свое время единомысленное значеніе. Нынѣ онѣ дополняютъ картину тогдашней эпохи и кидаютъ на нее объяснительный свѣтъ.

Наконецъ загорѣлся 1812 годъ. Наполеонъ съ своими полчищами «дванадесяти языковъ», какъ говорили тогда, свирѣпствовалъ уже въ нѣдрахъ Россіи. Тогда литтература Глинки обратилась въ общее дѣйствіе. *Русскій Вѣстникъ* облекся въ плоть и кровь. Графъ Ростопчинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Обладая въ высшей сте-

пени Русскимъ чувствомъ и умѣньемъ дѣйствовать на массы, онъ хорошо понялъ значеніе Глинки въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ слѣдствіе представленія его, Глинка былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра четвертой степени. «*Любовь ваша къ отечеству, доказанная сочиненіями и дѣйствіями вашими, обратила на васъ Наше вниманіе*» писалъ ему Императоръ Александръ въ Высочайшемъ рескриптѣ своемъ. Вручая эту награду, Графъ Ростопчинъ сказалъ ему: «*Священнымъ именемъ Государя развязываю вашъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячь рублей экстраординарной суммы.*» Деньги отданы были въ его распоряженіе. Зная его словоохотливость, всегда восторженную и полную движенія рѣчь, мы не сомнѣваемся, что онъ языка своего не щадилъ, но сумма, предоставленная ему, осталась въ цѣлости и возвращена была казнѣ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что, записавшись первый въ ратники Московскаго ополченія, внесъ въ приношеніе на *триста рублей серебра* изъ скромнаго своего имущества. Съ того дня Глинка перенесъ литтературу свою на площадь. Онъ попалъ на свою колею. Глинка былъ рожденъ народнымъ трибуномъ, но трибуномъ

законнымъ, трибуномъ правительства. Онъ умѣлъ по православному говорить съ народомъ православнымъ. Рѣчами своими онъ успокоивалъ и ободрялъ народъ. И то и другое по обстоятельствамъ было нужно. Было уныніе, но было и волненіе. Не вѣря, чтобы непріятель могъ подойти къ Москвѣ, не имѣя тайныхъ сношеній въ городѣ, народъ вездѣ искалъ предателей и шпіоновъ. Онъ ловилъ на улицахъ людей, которыхъ подозрѣвалъ быть подозрительными. Русскій дворянинъ, нѣмый отъ рожденія, былъ схваченъ толпою, потому что, подойдя къ лавкѣ, объяснялся знаками. Это показалось подозрительно Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая. Можетъ быть, за мѣсяцъ до сдачи Москвы, сидѣлъ я съ двумя, или тремя пріятелями на терассѣ дома, занимаемаго мною на Кисловкѣ. Вдругъ услышали мы на улицѣ шумъ и жалобные крики. Едва успѣли мы перескочить черезъ стѣну, чтобы выручить изъ рукъ толпы бѣднаго Нѣмца, съ которымъ она готова была раздѣлаться, потому что Нѣмецъ на вопросъ ея отвѣчалъ худымъ и ломанымъ Русскимъ языкомъ. Чтобы успокоить народъ, отдали мы Нѣмца на руки полицейскому чиновнику. Нѣмецъ оказался совершенно невиннымъ.

Графъ Ростопчинъ имѣлъ вѣроятно и дальнѣйшіе виды на Глинку. За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія, былъ я вечеромъ у Графа Ростопчина, у котораго жилъ тогда Карамзинъ. Сдача Москвы непріятелю казалась тогда только возможностью, но еще и не вѣроятностью. По крайней мѣрѣ, Графъ не допускалъ ея. Говоря о мѣрахъ, которыя, въ случаѣ крайности, должно будетъ предпринять, сказалъ онъ между прочимъ: что если Французы подступятъ къ Москвѣ, то онъ намѣренъ поголовно поднять весь народъ Московскій и ночью вооруженною рукою напасть въ расплохъ на непріятельскій станъ и предать его огню и истребленію. Можно сомнѣваться въ успѣхѣ подобной попытки, но если бы она была приведена въ исполненіе, то, нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ Глинка содѣйствовалъ бы Графу кликнуть кличь и не отсталъ бы отъ охотниковъ.

Событія развивались и наконецъ достигли цѣли. Изъ Французскихъ войскъ, нагрянувшихъ на Русскую землю, остались между живыми плѣнники. Русскіе два раза входили въ Парижъ. Наполеонъ заключенъ на островѣ Св. Елены. Съ Наполеономъ вмѣстѣ пало и властолюбіе Франціи. Русскіе незлопа-

мятны. Значеніе *Русскаго Вѣстника* утратило свою силу. Изданіе его продолжалось еще нѣсколько лѣтъ, но не имѣло уже прежняго вліянія. По горячимъ слѣдамъ онъ еще нѣсколько времени возглашалъ о подвигахъ новыхъ Дмитріевъ Донскихъ и Пожарскихъ. Имена Кутузова, Платова и другихъ сподвижниковъ освобожденія Россіи и Европы озаряли и согрѣвали страницы его, но всему есть предѣлъ и свое время. Русскіе нетолько незлопамятны, но и не хвастливы. Довольствуясь тѣмъ, что исполнили свою обязанность, что сдѣлали свое дѣло, они не имѣютъ нужды, просто не любятъ, чтобы имъ часто и безпрерывно напоминали о ихъ подвигахъ. Патріотическіе водевильные куплеты, памятныя книжки, *Что день то побѣда* (*Une victoire par jour*, Французское сочиненіе) не могли бы имѣть у насъ продолжительный успѣхъ. Мы предоставляемъ это Французамъ, которые послѣ пораженій своихъ хотѣли перомъ вознаградить себя за неудачи, понесенныя оружіемъ. И нынѣ, послѣ тритцати-лѣтняго мира, не притупилось еще ихъ воинственное и побѣдоносное перо. Заднимъ числомъ передѣлываютъ они событія. Не довольствуясь многими одержанными побѣдами, они за письменнымъ столомъ, сдавъ

себѣ всѣ козыри, переигрываютъ сраженія, однажды уже проигранныя на полѣ битвы. Глинка обратился тогда къ другимъ литтературнымъ трудамъ, все въ томъ же чисто народномъ и Русскомъ направленіи, но уже, такъ сказать, не вооруженною рукою. Книга его о Русской Исторіи имѣла три изданія. Нашъ Исторіографъ ходатайствовалъ о наградѣ сочинителю оной у тогдашняго Министра Просвѣщенія, Шишкова, свидѣтельствуя о ней, что *она достойна быть введенною во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.* Эта черта не удивительна и не замѣчательна въ жизни Карамзина. Но достойно сохранить ее въ Исторіи литтературы. Нужно иногда освѣжать и услаждать память свою подобными преданіями. Оцѣ утѣшительны и назидательны.

Между тѣмъ для полноты картины, нельзя не замѣтить, что литтературное направленіе Глинки и его единомысленниковъ встрѣчало и нѣкоторое противодѣйствіе. Разумѣется, дѣло шло не объ основныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, которыя въ ней проявлялись. Тутъ между всѣми честными и благонамѣренными людьми не могло быть разногласія; но всякое исключительное убѣжденіе, мнѣніе, доведенное до крайности, въ прико-

сновеніи съ убѣжденіемъ не столь самовластнымъ, съ мнѣніемъ не столь порывистымъ, неминуемо возбуждаютъ противорѣчіе и состязаніе. Таковъ уже умъ человѣческій. Нѣкоторые литтераторы смѣялись надъ литтературнымъ старообрядствомъ Глинки, но смѣялись безъ озлобленія, добросовѣстно. Не питая предосудительнаго чувства, не полагали нужнымъ соблюдать и воздержность. Тогда все было какъ-то молодо и опрометчиво. Такъ много было веселости и остроумія, что не знали какъ сбывать ихъ. Стрѣляли ими *зря*, въ противниковъ и пріятелей, какъ ни попало. Батюшковъ, тогда еще на первыхъ шагахъ своего блистательнаго поприща, написалъ замысловатую и прелестную шутку: *Видѣніе на берегахъ Леты.* Русскіе поэты и прозаики на берегу рѣки являются предъ судомъ Миноса. Тогда миѳологія не была еще изгнана изъ области литтературной. Умнымъ людямъ не ставилось въ осужденіе, когда они съ искусствомъ пользовались поэтическими вымыслами умнѣйшаго народа въ мірѣ, Грековъ. Въ поэмѣ Батюшкова между прочими является и Глинка:

„Уфъ! я усталъ! подайте стулъ!
„Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
„Безсмертенъ я, — пока забавенъ;

„Кто жъ ты? — *Я Русской и поэтъ!*
„Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой;
„Мнѣ врагъ чужой разсудокъ здравой;
„Для Русскихъ нравъ мой толкъ кривой....
„И въ томъ клянусь моей сумой.
„—Да кто же ты? — Жанъ-Жакъ я Русской,
„Расинъ, и Юнгъ, и Локкъ я Русской,
„Три драмы Русскихъ сочинилъ,
„Для Русскихъ. Нѣтъ ужъ силъ,
„Писать для Русскихъ драмы слезны,
„Труды мои всѣ безполезны;
„Вина тому развратъ умовъ.
„Сказалъ: — въ рѣку", — и былъ таковъ!

Воейковъ въ посланіи своемъ къ Д. В. Дашкову говорилъ:

Станевичь пишетъ безъ конца,
А пылкій Глинка безъ начала.

Онъ же, устроивъ *желтый домъ* для литтературной братіи своей, отвелъ въ немъ гостепріимный уголокъ и для издателя Русскаго Вѣстника:

Нумеръ третій — на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ:
Передъ нимъ духъ Русскій въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверзта,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверьхъ устремлены.
„О Расинъ! откуда слава!
„Я тебя дружка поймалъ!
„Изъ Россійскаго Стоглава
„Ты Гоѳолію укралъ!

„Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
„Выраженій красота,
„Въ Андромахѣ — подражанье
„Погребенію кота.“ —

Глинка первый смѣялся всѣмъ этимъ шуткамъ и продолжалъ свое дѣло. Впрочемъ сердиться было и не за что. Да къ тому же литтературныхъ *сердцовъ*, литтературныхъ страстей тогда и не знали. Литтература и барышничество тогда шли еще противоположными путями. Литтераторы составляли общину, а не междоусобицу, раздѣленную на акціяхъ. Каждый могъ имѣть свое мнѣніе, но въ каждомъ писателѣ видѣлъ брата и уважалъ его, уважая себя. Иной держался болѣе Карамзина, другой болѣе Шишкова, но и Шишковъ былъ честный и благородный человѣкъ. Всѣхъ перетопивъ и не пощадивъ эпиграмами своими и его въ Летѣ, вотъ что сказалъ о немъ Батюшковъ:

Одинъ, одинъ Славенофилъ,
И то, повыбившись изъ силъ,
За всю трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Такимъ образомъ понимали въ то время шутку и сатиру. Такъ дѣйствовали въ благородныхъ поединкахъ, нападая и на самаго запальчиваго и сильнаго противника. Должно

отдать справедливость Глинкѣ. Онъ никогда не отдавалъ себя въ кабалу никакимъ литтературнымъ партіямъ. Онъ прошелъ безпристрастно и миролюбиво сквозь нѣсколько поколѣній литтературы и литтераторовъ нашихъ. Ко всѣмъ питалъ онъ сочувствіе и радушіе. Рожденіемъ своимъ, воспитаніемъ и воспоминаніями лучшей поры въ жизни, молодости, принадлежалъ онъ вѣку давно отжившему, но съ любовью и уваженіемъ привѣтствовалъ знаменитости и надежды другихъ поколѣній. Не забывая стиховъ Княжнина и Сумарокова и высказывая ихъ на память цѣлыми тирадами, онъ зналъ на изустъ и цѣлыя страницы изъ прозаическихъ сочиненій Карамзина и стихи Жуковскаго, Пушкина и Языкова. Для него свято и дорого было Русское слово во всѣхъ его возрастахъ и измѣненіяхъ. Одаренный памятью обширною, изумительною, онъ присвоилъ ей не только все то, что̀ прочиталъ по Русски, но зналъ также твердо и Французскихъ писателей, особенно принадлежавшихъ ко второму пятидесятилѣтію 18-го вѣка. Въ послѣднее время жизни своей, когда, изнуренный недугами и пораженный слѣпотою, онъ не могъ уже самъ читать и писать, а слушалъ и диктовалъ,—онъ въ минуту отдыха перечи-

тывалъ наизустъ краснорѣчивыя страницы любимыхъ своихъ авторовъ. Онъ помнилъ и Руссо, который имѣлъ такое сильное и очаровательное вліяніе на воображеніе своихъ современниковъ, и рѣчи Мирабо, которыя такъ сильно волновали умы, еще довѣрчивые и самодѣянные. И здѣсь къ стати повторить и еще съ большимъ значеніемъ: все было тогда молодо и опрометчиво!

Но прошла молодость съ своими вѣрованіями и заблужденіями, сочувствіями и прекословіями, страстями и неуступчивостью. Наступили другія молодости, которыя также отрезвились и отрезвятся, въ свою очередь. Жизнь Глинки протекла среди разнообразныхъ, великихъ и поучительныхъ явленій. Въ долголѣтнемъ теченіи сошлась она на пути своемъ со многими событіями, которыя то ниспровергали, то вновь устроивали политическій, внѣшній и внутренній бытъ Государствъ и общества. Онъ на вѣку своемъ прожилъ нѣсколько вѣковъ, то посторонній зритель, то силою обстоятельствъ и отраженія иногда и участникъ въ событіяхъ по мѣрѣ способностей своихъ и назначенія своего въ обществѣ. Съ умомъ воспріимчивымъ, съ чувствомъ пылкимъ, съ любовью ко всему человѣчеству, онъ никогда не былъ ни зрите-

лемъ равнодушнымъ, ни своекорыстнымъ и лѣнивымъ дѣятелемъ. Во всю жизнь былъ онъ въ полномъ значеніи слова: человѣкомъ, гражданиномъ, христіаниномъ.

Въ духовномъ отношеніи этого довольно. Въ житейскомъ все это можетъ быть условно. Успѣхъ, счастіе, не что̀ иное какъ случайности въ жизни. Самыя дарованія, которыя даются намъ отъ Бога, не всегда могутъ быть мѣриломъ внутренняго достоинства человѣка. Внѣ житейскихъ оцѣнокъ есть другое воздаяніе. Виноградари одиннадцатаго часа получаютъ также свою мзду. Много званныхъ; но кто будетъ избранъ, намъ не извѣстно.

Глинкѣ на долю выпали свѣтлые дни, но и пасмурные. Послѣднихъ болѣе. Первые встрѣчалъ онъ безъ самозабвенія, но съ умиленіемъ и благодарностью къ Промыслу; другіе съ покорностью и молитвою. Наконецъ, что̀ осталось изъ всей этой долгой жизни, болѣе или менѣе примыкавшей къ безпрерывному ряду замѣчательныхъ и великихъ событій, на которыя отвѣчалъ онъ частью сочувствіемъ, частью посильною дѣятельностью? Почти всѣ первостатейные дѣйствователи сихъ исполинскихъ переворотовъ, и самыя событія перешли уже въ исторію. Въ тишинѣ и въ тѣни вотъ и самъ Глинка со-

шелъ въ могилу. Что же осталось по немъ? Нѣсколько добросовѣстныхъ и полезныхъ трудовъ, нѣсколько частныхъ, добрыхъ дѣлъ, которыхъ слѣды, можетъ быть, давно уже остыли на землѣ, но которымъ счетъ ведется въ своемъ мѣстѣ. Вотъ и все! Нѣтъ, остается еще одно, которое онъ послѣ отечества, или наравнѣ съ нимъ, любилъ болѣе всего въ мірѣ, ибо оно въ отечествѣ было для него священнѣйшею его собственностью, тѣснѣйшею связью между имъ и родиною. Осталось еще по немъ многочисленное семейство, которому онъ былъ вождемъ, другомъ и опорою. Имущества за нимъ не было никакого. Еще въ молодости своей отказался онъ въ пользу сестры своей, отъ маленькаго наслѣдства, полученнаго имъ по кончинѣ отца. Съ той поры до конца дней своихъ жилъ онъ и содержалъ себя и семейство трудами своими и Монаршими щедротами, которыя также были наградою за полезную его дѣятельность.

Въ числѣ написаннаго имъ въ послѣднее время жизни его, есть книга: *Русское чтеніе*. Изданіе оной не окупилось. Нѣсколько сотъ экземпляровъ этой книги лежатъ еще въ типографіи по неимѣнію средствъ выкупить ихъ. Съ полною довѣрчивостью призываемъ всѣхъ

добрыхъ людей принести дань памяти Сергѣя Николаевича Глинки и почтить ее свидѣтельствомъ сочувствія къ участи тѣхъ, которыхъ онъ любилъ и для которыхъ постоянно трудился. Во всякомъ случаѣ каждому покупщику, книга окупится наслажденіемъ, неминуемо слѣдующимъ за содѣяніемъ добраго дѣла.

К. Вяземскій.

(Изъ С. Петербургскихъ Вѣдом. № 277 и 278, 1847 г.)

Типографія Императорской Академіи Наукъ.